

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN

Оригинальная статья / Original article

УДК 008.2, 101.1:316

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-224-235>

Цифровой народ: философско-правовое осмысление

А. В. Кравец¹ ✉

¹ Институт философии Российской академии наук
ул. Гончарная, д. 12/1, г. Москва 109240, Российская Федерация

✉ e-mail: 89031503674@mail.ru

Резюме

Актуальность. Понятие «народ» имеет системообразующее значение для современного политического устройства мира. Это объясняется исключительным правом народа на самоопределение. Иными словами, народ в пределах территории проживания является единственным источником власти, что позволяет ему организовывать государства, устанавливать правила поведения (законы) на своей территории. Развитие технологий сделало опыт взаимодействия с цифровым пространством частью обыденной жизни человека. Постепенное принятие цифровой реальности как основной закономерности формирует у пользователей потребность обустроить цифровую среду по образу и подобию физического мира. По мере развития межсубъектных цифровых отношений при наличии благоприятных условий качественно преобразуется характер связей между членами группы, что может сформировать у таких пользователей представление о своей группе как о цифровом народе.

Цель исследования заключается в изучении природы и перспектив цифрового народа, т. е. высокоорганизованных групп пользователей, установивших свои правила в определенном цифровом пространстве и оказывающих влияние на виртуальный и физический мир.

Задачи: концептуализация понятия «цифровой народ»; анализ исторических и философско-правовых оснований цифрового народа как явления; выявление сценариев развития межгрупповых отношений активных пользователей всемирной информационно-телекоммуникационной сети.

Методология исследования включает междисциплинарный и системный подход, метод исторического анализа.

Результаты. Проведен анализ исторических и философско-правовых оснований образования множества людей в народ, что позволило концептуализировать понятие «цифровой народ» как более сложное социально-политическое явление, зарождающееся на стыке виртуального и физического мира.

Выводы. Комплексный философско-методологический анализ феномена «цифровой народ» позволил выявить источник власти такой группы, происходящий из самой группы, и поэтому на этапе утверждения своих правил в пределах занимаемого цифрового пространства и/или утверждения цифрового государства такая группа не будет нуждаться в одобрении и согласовании со стороны третьих лиц.

Ключевые слова: народ; право на самоопределение; государство; цифровой народ; цифровой мир; цифровое государство.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

© Кравец А. В., 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент /
Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2024; 14(2): 224–235

Для цитирования: Кравец А. В. Цифровой народ: философско-правовое осмысление // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 2. С. 224–235. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-224-235>.

Поступила в редакцию 21.02.2024

Принята к публикации 18.03.2024

Опубликована 27.04.2024

Digital People: Philosophical and Legal Understanding

Alexander V. Kravets¹ ✉

¹ Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation

✉ e-mail: 89031503674@mail.ru

Abstract

Relevance. The concept of "people" has a system-forming significance for the modern political structure of the world. This is due to the exclusive right of the people to self-determination. In other words, the people within the territory of residence are the only source of power, which allows them to organize states, establish rules of conduct (laws) on their territory. The development of technology has made the experience of interacting with the digital space a part of everyday human life. The gradual adoption of digital reality as the main pattern will form the need for users to equip the digital environment in the image and likeness of the physical world. With the development of intersubjective digital relations, in the presence of favorable conditions, the nature of relations between group members is qualitatively transformed, which can form such users' idea of their group as a digital people.

The purpose of the study is to explore the nature and prospects of digital people, i.e. highly organized groups of users who have established their own rules in a certain digital space and influence the virtual and physical world.

Objectives: conceptualization of the concept of "digital people"; analysis of the historical, philosophical and legal foundations of the digital people as a phenomenon; identifying scenarios for the development of intergroup relations among active users of the global information and telecommunications network.

Methodology. The research methodology includes an interdisciplinary and systematic approach, a method of historical analysis.

Results. An analysis of the historical, philosophical and legal foundations of the formation of many people into a people was carried out, which made it possible to conceptualize the concept of "digital people" as a more complex socio-political phenomenon, emerging at the intersection of the virtual and physical world.

Conclusions. A comprehensive philosophical and methodological analysis of the phenomenon of digital people made it possible to identify the source of power of such a group, which stems from the group itself, and therefore, at the stage of establishing its rules within the occupied digital space and/or establishing a digital state, such a group will not need approval and approval from the outside third parties.

Keywords: people; right to self-determination; state; digital people; digital world; digital state.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kravets A. V. Digital People: Philosophical and Legal Understanding. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2024; 14(2): 224–235. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-2-224-235>.

Received 21.02.2024

Accepted 18.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

В статье цифровой народ рассматривается как одна из потенциально возможных ветвей развития части нашего общества (пользователей), активно взаимодей-

ствующего со всемирной информационно-телекоммуникационной сетью. Как следует из названия, эта группа, по крайней мере, по некоторым признакам должна соответствовать такой социаль-

ной общности людей, как народ. Поэтому междисциплинарный анализ категории «народ» необходимо предшествует раскрытию признаков «цифрового народа».

Народ является сложным социокультурным явлением, которое можно рассмотреть по меньшей мере с позиций системного анализа, биологии, философии, юриспруденции. Поэтому эффективность подобных изысканий во многом определяется корректностью дорожной карты исследования.

В качестве дорожной карты выбрано название картины¹. Поль Гоген в 1897–1898 гг. написал картину «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?». П. Гоген в художественной форме задает зрителю эти вопросы и сам в художественной форме отвечает на них. Если последовательно ответить на вопросы художника, принимая во внимания, что мы есть народ, то процесс философско-правового осмысления цифрового народа предстанет посильным делом.

В процессе исследования предполагается решение следующих задач:

1. Выявление оснований образования народа как группы живых существ (ответ на вопрос «Откуда мы пришли?»).

2. Философско-правовой анализ категории народ (ответ на вопрос «Кто мы?»).

3. Концептуализация признаков цифрового народа (ответ на вопрос «куда мы идём?»).

¹ Использование названия картины в качестве дорожной карты исследования объясняется предметом исследования. Справедливо было замечено в итоговом отчете экспертов по дальнейшему изучению концепции права народа для ЮНЕСКО, что полноценные исследования в этом направлении требуют участия не только экспертов-правоведов, но и специалистов из других областей (антропологические, социологические, психологические и другие исследования). Поэтому междисциплинарный анализа категории народ с позиции художника не менее состоятельный, чем более привычный с позиции юриста или социолога.

Материалы и методы

В настоящем исследовании будут использоваться междисциплинарный и системный подход, метод исторического анализа.

Результаты и их обсуждение

Откуда мы пришли? Мы дети природы, мы один из множества видов, населяющих нашу общую планету, за которую в ответе не только перед нашими потомками, но и перед другими видами и их будущими поколениями.

Пчелиный рой, стая волков, племя, народ и прочие общности живых существ имеют, по меньшей мере, одну общую черту – наличие правил поведения, позволяющих членам группы действовать согласованно. Причины, побуждающие животных разных видов придерживаться правил поведения в группе, разнообразны и зависят от множества факторов.

Всякая группа (семья, стая, племя, народ и т. п.) тем и отличается от индивидуальной особи, что может эффективно функционировать лишь при соблюдении членами группы правил поведения. Если члены группы по каким-то причинам перестают соблюдать правила поведения, то группа перестает существовать как цельный социальный организм. По мере развития группы усложняются взаимосогласованные действия особей, что необходимо порождает в группе потребность к соблюдению более сложных правил поведения. Племя, как и народ, состоит из множества людей, соблюдающих принятые нормы, если в племени алгоритм поведения закреплен в обычаях, то для народа, как социально-политического образования, одних обычаев будет недостаточно, в таком обществе в числе прочего нужны нормы права.

Причина отказа некоторых видов животных от зоологического индивидуализма в пользу зоологического объединения может быть объяснена, по мнению И. Ю. Семенова, отсутствием возможно-

сти удовлетворить свои инстинкты иным образом [1, с. 99]. Схожую причину объединения людей в государство приводит Аристотель: «Каждый из нас не может удовлетворить сам себя» [2, с. 80].

Проживание в составе группы, т. е. по ее правилам, очевиднейшим образом ограничивает действия членов этой группы. Несмотря на неудобства группового проживания, особенно для доминируемого, ограниченного в реализации своих потребностей доминирующим [1, с. 97], как правило, совокупный объем преимуществ от проживания в группе превалирует над возможностями особой этого же вида, ведущих индивидуальную образ жизни в схожих условиях.

Если допустить верность подходов, что проживание человека в группе есть объективная необходимость, позволившая нашему виду эффективно противостоять угрозам окружающей среды, а правила поведения в группе (необходимое ее условие) предоставили членам группы возможность действовать взаимосогласованно, то можно сделать вывод, что жизнеспособность группы зависит в числе прочего от способности группы вовремя трансформировать правила поведения в ответ на постоянно изменяющиеся условия жизни. Поэтому, например, движение суфражисток в начале XX в. имело открытых активных противников в политических кругах, а сегодня большинство конституций стран мира содержат положения о равных избирательных правах между всеми гражданами вне зависимости от пола.

Народ – общность живых существ – в основе своей содержит способность группы к адаптации, что является важнейшим условием жизнеспособности для нее. Одним из центростремительных факторов, препятствующих разложению современных народов на малые группы, является способность народов адекватно и своевременно преобразовывать нормы права (т. е. правила поведения). Разумеется, трудно найти общество, где все бы-

ли довольны своими законами, но сам факт существования подобной группы людей свидетельствует, что пока члены этой группы готовы мириться с установленными правилами поведения.

Кто мы? Мы – люди, живущие на одной планете и связанные общей историей. Подобный ответ может вызвать возражения, особенно в части общей истории, значит, люди разбиты на группы (например, народы), поэтому ответ, игнорирующий такое существенное обстоятельство, по меньшей мере не является полным.

Так как в настоящий момент люди, объединенные в один народ, представляют собой наиболее высокую степень организации по сравнению с иными формами организации людей в группы (род, племя, нация и т. п.), то представляется необходимым определить существенные признаки народа. Поставленный вопрос будет рассмотрен в трех плоскостях: с позиции мыслителей, международного права и отечественных конституционалистов. Необходимо отметить, что иногда понятие «народ» и «нация» воспринимаются как синонимы, что некорректно. Понятие «народ» шире по объему, чем понятие «нация», и в некоторых случаях в состав народа могут входить несколько наций (например, народ РФ).

Позиция философов

Уже в Древней Греции философы занимались осмыслением социальной реальности, причин, побуждающих людей жить вместе, и способов преобразования общественного уклада. Аристотель объяснял совместное проживание людей стремлением к общему благу [3, с. 375]. Платон предпринимал попытки разработать систему государственного устройства, основанного на справедливости [2].

Марк Тулий Цицерон, обзревая практику политических отношений в Древнем Риме с опорой на работы мыслителей Древней Греции, рассматривал государство как достояние народа, но

только такого народа, «...которого удерживает вместе согласие относительно прав...» [4, с. 69].

В период Средневековья Фома Аквинский объяснял естественную потребность человека быть частью государства (множества), так как человек – животное общественное и политическое [5, с. 96]. Традиция наделять натуру человека политической природой берет своё начало еще с трудов Аристотеля. Также Ф. Аквинский отмечает в качестве мотива к коллективному проживанию людей стремление к общему благу в силу ограниченности природы человека, не позволяющей достигать желаемого в одиночку.

Николо Макиавелли, рассматривая различные способы приобретения и удержания власти, отмечал, что государем можно стать в силу благоволения к этому граждан [6]. Идея рассматривать народ как источник власти не была новой, например, Платон тиранов рассматривал как «ставленников народа» [2, с. 294].

В эпоху Нового времени Томас Гоббс вывел первопричину возникновения государства – это отказ людей от естественного состояния войны всех против всех [7, с. 115]. Принятие идеи, что государство является творением народа, стало для Жан-Жака Руссо отправным пунктом в рассуждениях о праве народа при наличии возможности снять с себя ярмо подчинения государству, тем самым вернуть «...себе свою свободу по тому же праву, по какому она была у него отнята...» [8, с. 4].

Карл Маркс и Фридрих Энгельс рассматривали роль народа в государстве сквозь призму закона возрастающей роли народных масс [9, с. 90]. Если раньше роль народа можно было свести к условному «часовщику», который единожды запускает механизм государства, а далее не вмешивается в работу политической машины, то отныне народ способен не только образовать государство, но и активно принимать участие в его переустройстве.

Специфическим признаком государства, по Максиму Веберу, является монопольное право на насилие в пределах определённой территории, но источником такого права является народ, наделяющий легитимным господством правителя (господствующий класс) [10, с. 43]. Понятие «господство» М. Вебер раскрывает как вероятность повиновения людей приказу определённого содержания [11, с. 109], а «легитимность» как «...готовность подчиняться установлениям...» [11, с. 95].

Признаки множества людей, объединённых в народ, были предметом рассмотрения многих философов, анализ подходов некоторых из них позволяет выявить частичное совпадение взглядов относительно черт народа (с учётом своей исторической эпохи), а именно:

– объединение людей в группы есть объективная необходимость;

– удовлетворение общих интересов (например, удовлетворения запроса на справедливость) усиливает группу;

– при определенных условиях группа может изменить свой уклад жизни;

– группа свободных людей может быть источником власти в пределах территории проживания.

Международно-правовой подход

В предметную область международного права входят правовые отношения между народами, что сразу наводит на мысль об ограниченном количестве субъектов, правомочных вступать в такие отношения, так как далеко не каждая группа людей имеет право на самоопределение, т. е. быть субъектом международного права и на равных с другими народами выступать на международной арене.

Первым соглашением, утвердившим правила взаимодействия между народами, был Вестфальский трактат 1684 года, заложивший основы концепции суверенитета (территориальная власть) и соотношения международного и внутригосударственного права, территориальной це-

лостности [12, с. 112]. В этот же исторический период Жан Боден, осмысляя концепцию суверенитет, выявляет пять основных признаков: «1. Назначение магистратов и определение их обязанностей и полномочий. 2. Принятие, отмена и обнародование законов. 3. Объявление войны и заключение мира. 4. Высшая судебная инстанция как для магистратов, так и для граждан. 5. Право помилования» [13, с. 102].

Важно подчеркнуть причину заключения Вестфальского трактата – это окончание Тридцатилетней войны, т. е. когда воюющие народы обоюдно пришли к мысли неэффективности войны как метода разрешения религиозных споров. Вестфальский трактат можно сравнить с общественным договором Т. Гоббса, оба соглашения являются результатом принятия идеи отсутствия военного превосходства у сторон конфликта.

Французскую Декларацию прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года принято рассматривать как первое нормативное закрепление за народом статуса единственного источника власти: «Источник суверенитета зиждется по существу в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника» [14, с. 112].

В 1971 г. международная комиссия юристов, анализируя события в восточном Пакистане, пришла к выводу, что множество людей можно признать народом, если они имеют общие основания в таких сферах, как историческое, расовое и этническое, культурное или языковое, религиозное или идеологическое, географическое или территориальное, экономическое; при этом комиссия отмечает, что этот перечень не является исчерпывающим и ни один из перечисленных элементов сам по себе не может быть рассмотрен как существенный признак [15, с. 70].

В 1990 г. в Итоговом отчете экспертов по дальнейшему изучению концепции права народа для ЮНЕСКО были

отражены признаки народа: «... группа отдельных людей, обладающих некоторыми или всеми из следующих общих черт: (а) общая историческая традиция; (б) расовая или этническая принадлежность; (с) культурная однородность; (г) языковое единство; (е) религиозная или идеологическая близость; (е) территориальная связь; (г) совместная экономическая жизнь» [16, с. 7]. Экспертами была отмечена принципиальная важность рассматриваемого вопроса, так как неверное толкование категории «народ» может спровоцировать волну сепаратизма в разных частях света, прикрываемого правом народа на самоопределение, по этой причине к дальнейшим исследованиям нужно привлекать «не только экспертов-правоведов, но и антропологические, социологические, психологические и другие исследования, помогающие определить значение народа...» [16, с. 7].

В насущном вопросе для международных организаций о признаках народа избран подход «открытого списка», где ни один признак сам по себе не является существенным, и в зависимости от ситуаций перечень оснований для признания группы народом может меняться. Международно-правовая бюрократическая машина при разрешении территориальных споров балансирует между правом народа на самоопределение и отсутствием такого права у сепаратистов, т. е. группы людей, не являющихся народом. Поэтому этот вопрос не может иметь простого решения в виде перечня обязательных признаков, так как в этот список по формальным основаниям могут попасть группы, не являющиеся народом, либо, наоборот, какой-нибудь народ может быть лишен международной субъектности.

Позиция конституционалистов

Обладатель всей полноты власти в РФ указан первой строке преамбулы Конституции: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...». Власть

народа проистекает из народа и для народа, при этом народ не нуждается в дозволении кого-либо в реализации намерения организовать в единую социальную систему (государство) и утвердить свои правила поведения (законы) на определенной территории. На это можно вполне резонно возразить, что на политической карте мира существуют более десяти ограниченно признанных государств (т. е. их признают не все члены ООН, например, Государство Израиль не признают 19 членов ООН), в этих непризнанных государствах народы также провозгласили о создании своего государства, но признанными государствами они не стали. Это противоречие преодолевается встречным вопросом: для кого народ утверждает своё государство? Как правило, цель народа при утверждении государства – установление своих порядков на своей земле, что никак не корреспондируется с мнением иных народов по этому поводу.

Н. Н. Аверьянова определяет общую конституционную правосубъектность народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в стране, поэтому народ «...является самостоятельным и отдельным субъектом конституционно-правовых отношений» [17, с. 39].

Согласно позиции Т. Я. Хабриевой, народ является единственным источником власти в государстве, если народ признается носителем суверенитета [18, с. 56]. Народ не всегда обладает достаточной степенью свободы, например, в результате порабощения вражескими силами, поэтому в такие исторические этапы нельзя говорить о суверенитете народа.

Д. С. Велиева отмечает, что не каждое решение группы будет признаваться народным, это зависит от количества лиц, вовлеченных в процесс принятия решения; если решение принято меньшинством, то оно не будет порождать правового последствия для всей группы [19, с. 17].

Прогрессивным представляется подход В. Д. Зорькина, включающего в конституционно-правовое понимание народа не только ныне живущих, но и последующие поколения [20, с. 13].

Г. Н. Емцов, опираясь на работы Герберта Харта, исследует вопрос кризиса власти, когда власть утрачивает легитимность, но при этом остается легальной [21, с. 215]. Иными словами, по формально-юридическим критериям глава государства занимает должность на законных основаниях, но народ не выражает покорность исполнять его законные требования. Г. Л. А. Харт называет такое положение, как «патология права», т. е. в государстве не существует общего повиновения правилам, признаваемым на официальном уровне [22, с. 122].

Ю. Скуратов полагает, что проявление правового идеализма, подпитывающего правовую иллюзию о решающей роли юридического документа в деле формирования народа, является ошибочным подходом [23, с. 22].

Обобщенный анализ позиций некоторых конституционалистов согласуется с международно-правовым подходом: право народа на самоопределение основано на власти народа по своему усмотрению обустроить свою жизнь и жизнь своих потомков на своей земле. Опыт существования ограниченно признанных государств свидетельствует, что власть одного народа в пределах своей земли не может быть ограничена мнением иного народа или международной организации.

Куда мы идём? Мы заселяем цифровой мир.

Заселение сетевого мира коренным образом отличается от времен великих географических открытий, когда люди месяцами готовились к экспедиции, перед тем как отправиться в опасное путешествие. Ежедневное обращение к цифровому пространству не требует особых усилий, так как нам, например, не требуется швартовать канаты на палубе, и в мире цифры относительно безопасно. Во

всяком случае при открытии страницы в соцсетях мы не рискуем заболеть цингой. И все же каждый клик по экрану мобильного устройства – это еще один удар ледоруба цифрового альпиниста, взбирающегося на вершину горы сетевого информационного пространства.

Чем больше человек взаимодействует с цифровым миром, тем привычнее он для него становится. Например, некая бабушка, разделённая многими тысячами километров со своим внуком, поздравляет его с днём рождения посредством видеосвязи. Ментально в момент поздравления бабушка и внук находятся рядом, но телесно они недостижимы. Человек там, где его внимание, а значит, бабушка и внук в момент общения находятся в едином цифровом пространстве.

Каждый акт взаимодействия с цифровым миром будет постепенно вытеснять из поля внимания человека телесный мир, снижать его значимость до уровня удовлетворения естественных потребностей.

В. Г. Буданов и В. И. Аршинов справедливо отмечают, что мир находится в состоянии большого антропологического перехода, вызванного бурным развитием цифровых технологий, неизбежно изменяющих образ жизни человека [24, с. 43].

Под влиянием и техно-социо-антропо-сферы вокруг человека сформировалась новая реальность, что, по М. Р. Бургете Аяла, стало причиной трансформации понимания его сущности [25, с. 43].

Получается замкнутый круг: человек приспособливает окружающую среду, а окружающая среда трансформирует человека. Человек склонен подстраиваться под окружающую среду в пределах своих интересов, если принятие цифрового гражданства или утверждение цифрового государства соответствует интересам человека, тогда он примет эту идею и будет активно за неё бороться. Поэтому идея цифрового народа, заселяющего цифровое пространство, фактически является

ответной реакцией человека на изменяющуюся среду. Причин для цифрового объединения у человека множество, например, в поисках защиты от тотального цифрового надзора со стороны традиционных государств.

История с бабушкой может показаться неубедительной для вывода о перспективе возникновения у пользователей сети Интернет потребности объединяться в цифровые народы, которые в цифровом пространстве будут образовывать цифровые государства, и одним из основных контрвозражений может стать то обстоятельство, что *у цифрового народа нет своей земли*, а значит, это просто иллюзии эскапистов, не сумевших приспособиться в реальном мире и пытающихся как-то реализоваться за счёт иллюзорных миров.

Апелляция к земле – весомый аргумент, поэтому требует некоторых пояснений: безусловно, всякому народу для утверждения своего порядка нужно пространство, но разница в том, что традиционному народу нужно пространство земли, а цифровому нужно цифровое пространство. А если предположить, что серверы с данными цифрового государства будут вынесены в нейтральные воды или на околоземную орбиту, тогда ни у одного правительства не будет каких-либо территориальных притязаний к цифровому государству.

Достаточно убедительными выглядят тенденции последних лет на создание квазигосударств, например, Googlements – остров Google, первое корпоративное государство, или Seasteading Institute (Институт Систейдинга), – проект стыкующихся плавучих жилых модулей для сообщества эффективных бизнесменов, или Freedom Ship International (Свободный международный корабль) – проект 25-палубного корабля для жизни и реализации смелых бизнес-задач [26, с. 130]. Нельзя исключать, что у некоторых создателей квазигосударств не на последнем месте стоят задачи по сниже-

нию налоговых издержек либо преодолению правовых запретов на проведение недопустимых экспериментов, например, в сфере геномной инженерии.

Как было показано ранее: а) объединение людей в группы является актом необходимым; б) эволюция внутригрупповых отношений – процесс закономерный, а значит, при благоприятных условиях некоторые группы могут развиваться до народа, т. е. высокоорганизованной политико-социальной структуры; в) народ является единственным источником власти в пределах пространства своего обитания, и ему не нужно дозволение извне, чтобы утвердить своё государство; г) техно-социо-антропо-сферы формируют у пользователя эффект реальности цифрового пространства; д) цифровое пространство как место преимущественного ментального пребывания человека постепенно будет вытеснять телесную реальность и снижать её значение для человека.

Еще один контраргумент о несостоятельности цифрового народа как явления сводится к тому, что в мире уже давно огромное количество пользователей подменили жизнь «земную» на «цифровую обитель», при этом остальному населению земли индифферентно, кем являются активные пользователи в своём цифровом пространстве.

Пока группа пользователей, объединённая общим интересом в цифровом пространстве, не оказывает влияние на деятельность государств, это объединение можно игнорировать. Но как чиновникам следует относиться к таким цифровым проявлениям, как даркнет («скрытый интернет») или криптовалюта? Очевидно, что даркнет, равно как и чёрный рынок, – проявление теневой экономики, которая объективно существуют, несмотря на правительственные запреты. Легко понять первоначальную позицию многих центробанков стран мира, пытавшихся запретить оборот криптовалюты, а в итоге многим пришлось

отказаться от стратегии запрета из-за отсутствия соответствующей технической возможности. Необходимо констатировать, что уже сегодня некоторые группы цифрового сообщества могут оказывать влияние на государство и общество, а если учесть стремление всякой группы усиливать свое положение, то рано или поздно у финансово-успешных цифровых групп необходимо возникнет потребность иметь большее влияние за пределами цифрового пространства, для чего им потребуется переосмыслить свою групповую самоидентификацию, придать своей группе качественно иной смысл. Осознание пользователем идеи, что его цифровая группа является фактором не только в цифровом, но и реальном мире, с которым иные вынуждены считаться, наполнит пользователя подлинной верой в наличии власти у группы. Как отмечалось ранее, власть народа на утверждении государства проистекает из народа, тем самым коллективное осознание своей власти предшествует образованию государства, схожий принцип заложен в образовании цифрового государства. Понимание потенциальных возможностей цифровой группы стало причиной особого контроля со стороны китайского правительства, рассматривающего инициативы пользователей с позиции государственной пользы [27, с. 226].

Выводы

В настоящий момент отсутствует правовое обоснование или нормативно установленные критерии для определения группы лиц в качестве цифрового народа, что может послужить поводом для признания несостоятельной какой-либо дискуссии по этому поводу, но проявление правового идеализма, подпитывающего правовую иллюзию о решающей роли юридического документа в деле формирования народа, является ошибочным подходом.

Цифровой народ поступит по образу и подобию наших предков, т. е. как обычный

народ *при первом же удобном случае*, не-
взирая на иное мнение, провозгласит о со-
здании своего цифрового государства, спо-

собного оказывать влияния на цифровое и
материальное пространство (в первую оче-
редь на общество и государство).

Список литературы

1. Семенов Ю. И. Как возникло человечество. 2-е изд. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2002. 790 с.
2. Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. 830 с.
4. Цицерон М. Т. Диалоги: О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. 224 с.
5. Аквински Ф. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15, № 2. С. 96–126.
6. Макиавелли Н. Государь. М.: Абрис, 2017. 302 с.
7. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / под ред. А. Ческиса. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.
8. Руссо Ж-Ж. Об общественном договоре или Принципы политического права. М.: Соцэкгиз, 1938. 124 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство, 1955. Т. 2. 668 с.
10. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик, 2020. 292 с.
11. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / под ред. Л. Г. Ионина. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. 445 с.
12. Сафонов В. Е. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2. С. 110–117.
13. Силина Е. В. Теория суверенитета Жана Бодена как политикофилософское обоснование концепции национальных государств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 100–106.
14. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII-XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сборник документов / под ред. П. Н. Галанзы. М.: Госюриздат, 1957. 587 с.
15. International Commission of Jurists, Events in East Pakistan, 1971: A legal Study. International Commission of Jurists, 1972. 98 p.
16. Final Report and Recommendations. URL: <https://burmalibrary.org/sites/burmalibrary.org/files/obl> (дата обращения: 18.01.2024).
17. Аверьянова Н. Н. Конституционная правосубъектность «народа» как обладателя права на землю // Журнал российского права. 2017. № 4 (244). С. 38–44.
18. Хабриева Т. Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 34–38.
19. Велиева Д. С. Конституционная правосубъектность народов Российской Федерации в контексте демократического государства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 17–20.
20. Зорькин В. Д. Правовое будущее России // Журнал российского права. 2011. Вып. 10 (178). С. 7–16.
21. Емцов Г. Н. О политико-правовой природе гражданских войн // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11 (78). С. 214–215.
22. Харт Г. Л. А. Понятие права / под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.
23. Буданов В. Г., Аршинов В. И. Большой антропологический переход: методология сложностно-сетового мышления: монография. Курск: Университетская книга, 2022. 129 с.
24. Категория «народ» в конституционном праве России (евразийские традиции и современность) / Ю. Скуратов [и др.] // Lex russica. 2017. № 10 (131). С. 9–26.
25. Бургете Аяла М. Р. Взгляд на начало пути // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 43–46.

26. Фёдоров О. С. Характеристика проектов создания новых виртуальных государств // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 2 С. 129–135.
27. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевая цивилизация и природа Большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 220–231.

References

1. Semenov Iu. I. Kak vzniklo chelovechestvo [How humanity arose]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii Publ., 2002. 790 p.
2. Platon. Gosudarstvo [State]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. 398 p.
3. Aristotel. Sochineniia [Works]; ed. by of A. I. Dovatura. Moscow, Mysl Publ., 1983. 830 p.
4. Tsitseron M. T. Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh [Dialogues: About the State. About laws]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 224 p.
5. Akvinski F. O korolevskoi vlasti k koroliu Kipra ili O pravlenii kniazei [On royal power to the king of Cyprus, or on the rule of princes]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie = Sociological Review*, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 96–126.
6. Makiavelli N. Gosudar [The Sovereign.]. Moscow, Abris Publ., 2017. 302 p.
7. Gobbs T. Leviatan ili materiia forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or matter, form and power of the church and civil state]; ed. by A. Cheskis. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1936. 503 p.
8. Russo Zh-Zh. Ob obshchestvennom dogovore ili Printsipy politicheskogo prava [On the social contract or Principles of political law]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1938. 124 p.
9. Marks K., Engels F. Sochineniia [Works]. 2nd ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1955, vol. 2. 668 p.
10. Veber M. Politika kak prizvanie i professiia [Politics as a calling and profession]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2020. 292 p.
11. Veber M. Khoziaistvo i obshchestvo ocherki ponimaiushchei sotsiologii [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology]; ed. by L. G. Ionina. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2016, vol. 1. 445 p.
12. Safonov V. E. Vestfalskii traktat 1648 goda i ego vliianie na formirovanie printsipov mezhdunarodnogo prava [Westphalian Treaty of 1648 and its influence on the formation of the principles of international law]. *Grazhdanin Vybory Vlast = Citizen. Elections. Power*, 2021, no. 2, pp. 110–117.
13. Silina E. V. Teoriia suvereniteta Zhana Bodena kak politikofilosofskoe obosnovanie kontseptsii natsionalnykh gosudarstv [Bodin's theory of sovereignty as a political and philosophical justification for the concept of national states]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya Pravo = Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*, 2021, no. 3(46), pp. 100–106.
14. Konstitutsii i zakonodatelnye akty burzhuanizmykh gosudarstv XVII-XIX vv Angliia SSHA Frantsiia Italiia Germaniia. Sbornik dokumentov [Constitutions and legislative acts of bourgeois states of the 17th-19th centuries. England, USA, France, Italy, Germany: Collection of documents]; ed. by P. N. Galanza. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1957. 587 p.
15. International Commission of Jurists, Events in East Pakistan, 1971: A legal Study. International Commission of Jurists, 1972. 98 p.
16. Final Report and Recommendations. Available at: <https://burmalibrary.org/sites/burmali-brary.org/files/obl>. (accessed 18.01.2024)
17. Averianova N. N. Konstitutsionnaia pravosubieektnost naroda kak obladatelia prava na zemliu [Constitutional legal personality of the "people" as the holder of the right to land]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 4 (244), pp. 38–44.
18. Khabrieva T. Ia. Doktrinalnoe znachenie rossiiskoi Konstitutsii [Doctrinal significance of the Russian Constitution]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 2, pp. 34–38.
19. Velieva D. S. Konstitutsionnaia pravosubieektnost narodov Rossiiskoi Federatsii v kontekste demokraticeskogo gosudarstva [Constitutional legal personality of the peoples of the Russian Federation in the context of a democratic state]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe parvo = Constitutional and Municipal law*, 2015, no. 6, pp. 17–20.

20. Zorkin V. D. Pravovoe budushchee Rossii [Legal future of Russia]. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2011, is. 10(178), pp. 7–16.
21. Emtsov G. N. O politiko-pravovoi prirode grazhdanskikh vojn [On the political and legal nature of civil wars]. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal = Eurasian Legal Journal*, 2014, no. 11 (78), pp. 214–215.
22. Khart G. L. A. Poniatie prava [The concept of law]; ed. by E. V. Afonasina and S. V. Moiseeva. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2007. 302 p.
23. Budanov V. G., Arshinov V. I. Bolshoi antropologicheskii perekhod metodologii slozhnostno-setevogo myshleniia [Great anthropological transition: methodology of complex network thinking]. Kursk, Universitetskaia kniga Publ., 2022. 129 p.
24. Skuratov I. U., eds. Kategoriiia "narod" v konstitutsionnom prave Rossii (evraziiskie traditsii i sovremennost) [The category "people" in the constitutional law of Russia (Eurasian traditions and modernity)]. *Lex russica*, 2017, no. 10 (131), pp. 9–26.
25. Burgete Aiala M. R. Vzgliad na nachalo puti [look at the beginning of the path]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2021, no. 11, pp. 43–46.
26. Fedorov O. S. Kharakteristika proektov sozdaniia novykh virtualnykh gosudarstv [Characteristics of projects for creating new virtual states]. *Lokus liudi obshchestvo kul'tury smysly = Locus: People, Society, Cultures, Meanings*, 2017, no. 2, pp. 129–135.
27. Arshinov V. I., Budanov V. G. Setevaia tsivilizatsiia i priroda Bolshogo antropologicheskogo perekhoda Izvestiia [Network civilization and the nature of the Great Anthropological Transition]. *Izvestiia Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 220–231.

Информация об авторе / Information about the Author

Кравец Александр Васильевич, аспирант,
Институт философии Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: 89031503674@mail.ru,
ORCID: 0009-0002-5250-6591

Alexander V. Kravets, Post-Graduate Student,
Institute of Philosophy of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russian Federation,
e-mail: 89031503674@mail.ru,
ORCHID: 0009-0002-5250-6591